

1850–1893

«Никто... не превзошел его в наблюдательности, остроте мысли, в умении облечь их в краткую и четкую форму. Лучше, чем кто-либо другой, Мопассан научил нас выбрасывать лишнее из наших книг. Он лучше, чем кто-либо, следовал завету Флобера: “Изучайте предмет до тех пор, пока не постигнете существенных его отличий от других предметов и не сумеете выразить их словами”».

Дж. Голсуорси

классика в кармане

классика
В
кармане

ГИ ДЕ МОПАССАН

классика
в кармане

Жизнь

ГИ ДЕ МОПАССАН

классика
в кармане

«Роман Мопассана [“Жизнь”] из ряда вон выходящее явление, капитальнейшая вещь... это вещь необыкновенная и произведет сильное впечатление... Это целая жизнь честной, хорошей женщины, целая интимная драма, изображенная первоклассным художником».

И. С. Тургенев

«“Жизнь” — превосходный роман, не только несравненно лучший роман Мопассана, но едва ли не лучший французский роман...»

Л. Н. Толстой

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

ГИ ДЕ МОПАССАН

Жизнь

Жизнь

*классика
в кармане*

ГИ ДЕ МОПАССАН

Жизнь

Москва
2013

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
М78

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по:

Мопассан Г. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. — СПб. : Эпоха, 1992.
Мопассан Г. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. — М. : ИКК «Пересвет», 1993.
Мопассан Г. Полное собрание сочинений : в 12 т. Т. 2. — М. : Правда, 1958.

Вступительная статья и перевод *А. Чеботаревской*
Комментарии *Ю. Данилина*

В оформлении обложки использован фрагмент картины «The rose girl»,
художник Emile Verhoor

Иллюстрации Шарля Лаборда

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

МОПАССАН Ги де

Жизнь

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Е. М. Залпаева*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залпаева*

Подписано в печать 15.05.2013. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 11, 96. Тираж 3000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

www.ttornado.com.ua

Украина, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-548-1 (БММ)
ISBN 978-966-14-5621-0 (КСД)

© Hemiroltd, 2013
© ЗАО «Фирма Бергельсманн Медиа
Москва АО», 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Жизнь Мопассана

Немногие из писателей между тем старались так скрыть свою жизнь от любопытных взглядов публики, как Мопассан. Между литературой и своею жизнью он установил резкую границу и требовал, чтобы она свято уважалась. «Писатель ничего не должен публике, кроме своих произведений», — говорил он. Когда по смерти Флобера были опубликованы письма последнего, Мопассан горячо сожалел о том, что не в его власти помешать этому.

Благодаря аристократической замкнутости Мопассана при жизни его в печать проникали лишь весьма скудные сведения об авторе рассказов и романов, пользовавшихся таким шумным успехом.

Но его осторожность не помешала тому, чтобы после его смерти не началась лихорадочная погоня за документами и воспоминаниями, по которым можно было восстановить его жизнь. Писатель, которому суждено было умереть безумным, слыл всю жизнь «здоровьяком», «атлетом». Вокруг его преждевременной и трагической кончины сложились легенды, благодаря развязности журналистов и любопытству жадной до всяких разоблачений публики.

Благоговейные заботы матери (госпожа Мопассан одиннадцатью годами пережила своего несчастного сына) и протесты друзей охраняли, насколько возможно, память писателя от посягательств бесцеремонных исследователей.

Но с момента смерти Лауры Мопассан (8 декабря 1904 г.) погоня за документами сделалась более плодотворною. Беспощадные разоблачения осветили мало-помалу загадочную и трагическую кончину великого романиста. Значительное количество материалов из этого грустного наследия в обработке Э. Мэниаля¹ дают возможность и нам бросить полный глубокого уважения и любви к писателю взгляд на те внешние обстоятельства, среди которых создавались его шедевры.

Интересно подтвердить фактами, что материал, над которым работал великий писатель, не вымышлен и довольно точно отражает его жизнь. Заглянуть в жизнь Мопассана необходимо еще и потому, что эта жизнь прекрасна своею краткою, тревожною и мучительною красотой.

---

¹ *Maunial E.* La vie et l'oeuvre de Guy de Maupassant. Paris, 1906. — Рус. пер.: *Мэниаль Э.* Мопассан: Его жизнь и творчество / Пер. с фр. Н. П. Кашина. — М., 1910.

Жизнь Мопассана распадается на период детства и юности (1850—1870), за которым следуют десять лет ученичества (1870—1880); от 1880-го до 1890-го г. — период напряженного творчества и связанного с ним беспрецедентного успеха. В минуту его наибольшей силы и славы все обрывается резким и трагическим финалом; духовная смерть двумя годами опережает его физическую кончину.

Отец Ги — Гюстав де Мопассан, представитель старой лотарингской фамилии, в 1846 г. вступил в брак с Лаурой Ле Пуатвен, принадлежавшей к высшей буржуазии Нормандии. От этого брака родились Ги и младший брат его Эрве де Мопассан.

Мать Ги де Мопассана Лаура и ее брат Альфред Ле Пуатвен были друзьями детства Гюстава Флобера и сестры его Каролины. Отец Флобера занимал в то время место главного врача в Руанской больнице. Мать его была подругой детства матери Лауры. Отсюда ясно, что никаких родственных уз между Ги де Мопассаном и Флобером не было: последний лишь перенес позже на своего ученика всю нежность, которую питал к друзьям своего детства — Лауре и Альфреду Ле Пуатвен, матери и дяде Ги.

Одаренный блестящими способностями, восторженный и эксцентричный, Альфред Ле Пуатвен оказывал огромное влияние на умственное развитие сестры и друзей. С ранних лет он приохотил Лауру к литературе: пробудил в ней любовь к классикам, выучил ее английскому языку, с тем чтобы читать в подлиннике Шекспира. Десятилетий Флобер сочинял в то время трагедии, а Альфред и Лаура всячески содействовали их постановке: были попеременно и актерами, и зрителями, и критиками. В этом детском кружке постоянно поднимались страстные споры о прочитанном, и все участники его взаимно поддерживали друг в друге тот поэтический подъем, то неутомимое и лихорадочное искание красоты, которое преждевременно сожгло Ле Пуатвена и истощило Флобера. Расставшись детьми, Флобер и Альфред Ле Пуатвен поддерживали оживленную переписку. Двадцатилетним юношей Флобер пишет Альфреду: «Мы будем соседями эту зиму, старина, можем видаться ежедневно. Будем беседовать у камина, пока на дворе будет лить дождь или снег покрывать белую пеленою крыши. Нет, я не нахожу себя достойным сожаления, когда вспоминаю, что обладаю твоей дружбой, что у нас много свободных часов, которые мы можем проводить вместе. Если бы тебя у меня отняли, что осталось бы мне? Чем была бы наполнена моя внутренняя, то есть настоящая жизнь?»

Альфред скончался юношей от болезни сердца. Его поэтические опыты, на которые намекает в своих письмах Флобер, дают основание предполагать, что из него вышел бы талантливый поэт.

К Лауре Ле Пуатвен, ставшей позже госпожой Мопассан, Флобер в течение всей жизни питал глубокую привязанность,

к которой примешивались память и скорбь о лучшем и так рано угасшем друге. Жизнь разлучила их. Но радостные дни детства остались навсегда в памяти Флобера. В 1863 г. он пишет госпоже де Мопассан: «Твое письмо словно пахнуло на меня деревенским воздухом, ароматом юности, в которой наш бедный Альфред занимал так много места! Воспоминание о нем не покидает меня. Не проходит дня и, смею сказать, часа, в который я не думал бы о нем. Сколько раз в Париже, утомленный работою, в театре, во время антракта или один, сидя в Круассе у камина, в долгие зимние вечера, я вспоминаю его, вижу его перед собою, слышу его голос. С наслаждением и в то же время с грустью перебираю наши беседы, в которых шутки чередовались с философией, вспоминаю наши чтения, наши мечты, наши надежды! Если я чего-либо добился, то, верно, обязан этим нашему прошлому. К нему я отношусь с большим уважением; мы были прекрасны, и я не хотел пасть.

Я издала следил за твоею жизнью, разделял душою твои страдания, которые угадывал. Наконец, я тебя понял. Это — старое выражение, относящееся к годам нашего детства, к доброй старой романтической школе. Оно вполне выражает мою мысль, и я его удерживаю».

Лаура Ле Пуатвен также оставалась верна прошлому; мечты и восторги детства, влияние брата — все это отразилось позже на воспитании, которое она дала своему сыну Ги. Ей удалось приохотить его даже к чтению Шекспира, вдохнуть в него страсть к стихам и, особенно, к театру, и она же руководила его первыми литературными опытами.

Лаура и Гюстав де Мопассан недолго были счастливы в браке. Молодая женщина была серьезна, правдива, умна, интересовалась искусством и литературой; муж под очаровательною внешностью скрывал умственное убожество и слабость характера, увлекавшую его в бесконечные приключения. Рождение двух сыновей несколько утешило госпожу Мопассан в ее горькой супружеской жизни. Ги родился 5 августа 1850 г., Эрве шестью годами позже. Семейная жизнь отца и матери дурно отражалась на воспитании детей, и мать решила положить этому конец. Супруги расстались полюбовно. Госпожа Мопассан вступила вновь во владение своим состоянием, оставила у себя сыновей, на которых муж выдавал ей ежегодно 1600 франков, и поселилась в своем имении в Этрете, в Нормандии. Отец изредка летом приезжал навестить детей.

Вилла «Верги», на которой жила мать со своими двумя мальчиками, была окружена бесконечными фруктовыми садами и стояла невдалеке от моря, по пути в Фекан. Эту виллу Ги называл всегда впоследствии своим «дорогим домом». Здесь он свел самую тесную дружбу с окрестными рыбаками, отсюда он любовался быстрым ходом легких барок, здесь впервые и на всю жизнь полюбил море.

Огромный сад, разбитый по плану самой госпожи де Мопассан, наполненный липами, сикоморами, диким терном, розовым и белым шиповником, окружал виллу. Белый домик с балконом, увитым виноградом и жимолостью и утопавшим в кустах жасмина, просторные комнаты, уставленные старинною мебелью и чудесным руанским фаянсом, — таково было уютное жилище, где Мопассан прожил до тринадцати лет. У мальчика не было лучшей воспитательницы и лучшего друга, чем мать. Глубокий ум госпожи Мопассан и литературное образование, полученное ею в детстве, давали ей возможность направлять наблюдательность мальчика, влюбленного в жизнь и в мечты. С удовольствием вспоминает госпожа Мопассан, как в ее сыне постепенно зарождалась любовь к литературе и как искренне радовалась она сама, открывая в нем те же волнения и восторги, которые переживала некогда в обществе своих друзей детства. Госпожа Мопассан всячески помогала Ги советами, поддерживала и направляла его литературные стремления. Прежде всего она задалась целью выучить сына смотреть. Она постоянно обращала его внимание на скромную или живописную природу, заставляла понимать и любить ее, указывала на изменчивые виды неба и моря, на чаек над морскими волнами, на игру солнечных пятен по скалам и на деревьях и на многие мелочи, характерные для богатого нормандского края. Ей приходилось разделять игры, прогулки, а иногда и самые безрассудные похождения маленького Ги. Не раз теряли они с матерью дорогу, не раз бывали застигнуты приливом, карабкались на скалы и возвращались домой оба в изорванных платьях и башмаках.

Читал Ги запов. Среди писателей, взволновавших его юное воображение, был и Шекспир. Мать заставила его прочесть «Макбета», «Сон в летнюю ночь». В своих воспоминаниях госпожа Мопассан рассказывает, какое глубокое впечатление произвели на мальчика эти первые книги. Он понял, что словами можно вызывать образы людей и предметов. Родному языку учила его также и мать. Аббат Обур, викарий Этреты, занимался с ним грамматикой, арифметикой и латынью, которою ребенок очень интересовался. Из новых языков Ги не знал ни одного, а взамен этого бегло говорил на нормандском наречии: к нему он привык во время своих скитаний с рыбаками. Ги в это время часто уплывает в море с рыбаками Ипора, посещает скалы и пещеры, ловит рыбу при лунном свете, помогая вытаскивать расставленные накануне сети, проводит целые дни в лодке, пробираясь сквозь лес тростников или сидя в ней между двумя собаками и обдумывая план предстоящей охоты или рыбной ловли; впоследствии он вспоминает и свои бесконечные прогулки верхом по равнинам, по которым хлещет морской ветер. Эта жизнь укрепила его здоровье и развила в нем значительную физическую силу. Лица, знавшие Ги между десятью и двадцатью годами его жизни, рисуют его коренастым,

с могучей шеей, как у молодого бычка, с неукротимой энергией «любителя жизни», как он сам называет себя в этом возрасте. Живя в тесной близости с рыбаками и крестьянами, Ги разделял их жизнь и сопряженные с нею опасности и их наивные развлечения. Эту действительность отразили впоследствии многие из его рассказов, равно как и роман «Жизнь». Рыбаки обожали маленького Ги, часто брали его с собою в море в любую погоду. Госпожа Мопассан вспоминает то беспокойство и тот страх, в которые не раз подвергали ее долгие отлучки сына. Позже, описывая эту жизнь, полную приключений, страсть к которым не покидала никогда Мопассана, он говорит: «Чувствую, что в жилах моих течет кровь морского разбойника. Для меня нет большей радости, как весенним утром плыть в лодке к неведомым берегам, бродить целые дни по новым местам, толкаться среди людей, которых я никогда потом не увижу, которых покину с наступлением вечера, чтобы снова пуститься в море; проводить ночи под открытым небом, править рулем по воле моей фантазии, не сожалея о жилищах, где рождаются, делятся, замыкаются в рамки и угасают человеческие жизни, не испытывая желаний бросить якорь где бы то ни было, как бы ласковы ни были небеса, как бы прекрасны ни казались там берега».

Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, его оторвали от бродячей и праздной жизни и отправили в духовную семинарию в город Ивето. Не будучи подготовлен к тому лишению свободы и к той дисциплине, которые встретили его в семинарии, Ги почувствовал себя очень несчастным. Однако это заведение, откуда он не раз пытался бежать и из которого его в конце концов исключили, не оказало сильного влияния на развитие его ума и характера. Все тяготило его здесь. Особенно отталкивал его независимую природу интернат. Ги тосковал по морю, по друзьям-рыбакам. Власть попов и нравы духовенства возмущали прямую, открытую душу. В виде утешения среди этой монастырской обстановки он начал писать стихи. Многие стихотворения не были лишены изящества. Но одно из них, заключавшее протест против «сутан», «стихарей» и «монастырского уединения», было перехвачено семинарским начальством. Этим предлогом воспользовался заведующий семинарией, чтобы избавиться от беспокойного воспитанника и отослать его домой. Мальчик был в восторге; не особенно была огорчена и мать.

На следующий год Ги поместили пансионером в руанский лицей.

Там он с еще большим успехом продолжал свои литературные опыты, пользуясь на этот раз руководством и советами настоящего поэта, Луи Буилье, принадлежавшего некогда к тому детскому кружку, участниками которого были Флобер, мать и дядя Ги. Стихотворения Мопассана этого периода не отличаются оригинальностью. Одно из них было напечатано в «Ревю де ревю». Ги в то

ЖИЗНЬ

Госпоже Брэнн
дань уважения преданного друга
и в память о друге умершем.

Ги де Мопассан

Скромная истина

I

Уложив чемоданы, Жанна подошла к окну; дождь не переставал.

Всю ночь стекла звенели и по крышам стучал ливень. Нависшее, отягченное водою небо словно прорвалось, изливаясь на землю, превращая ее в кашу, растворяя, как сахар. Порывы ветра дышали тяжким зноем. Рокот разлившихся ручьев наполнял пустынные улицы; дома, как губки, впитывали в себя сырость, проникавшую внутрь и проступавшую испариной на стенах, от подвалов до чердаков.

Выйдя накануне из монастыря и оставив его навсегда, Жанна жаждала наконец приобщиться ко всем радостям жизни, о которых так давно мечтала; она опасалась, что отец будет колебаться с отъездом, если погода не прояснится, и в сотый раз за это утро пытливо осматривала горизонт.

Затем она заметила, что забыла положить в дорожную сумку свой календарь. Она сняла со стены листок картона, разграфленный на месяцы, с золотой цифрой текущего 1819 года в виньетке. Она вычеркнула карандашом четыре первых столбца, заштриховывая все имена святых вплоть до второго мая — дня своего выхода из монастыря.

Голос за дверью позвал:

— Жанетта!

Жанна ответила:

— Войди, папа.

И в комнату вошел ее отец.

Барон Симон-Жак Ле Пертюи де Во был дворянином прошлого столетия, чудаковатым и добрым. Восторженный последователь Жан-Жака Руссо, он питал нежность влюбленного к природе, лесам, полям и животным.

Аристократ по рождению, он инстинктивно ненавидел девяносто третий год; но, философ по темпераменту и либерал по воспитанию, он проклинал тиранию с безобидной и риторической ненавистью.

Его великой силой и великой слабостью была доброта, такая доброта, которой не хватало рук, чтобы ласкать, раздавать, обнимать, — доброта творца, беспорядочная и безудержная, подобная какому-то омертвлению волевого нерва, недостатку энергии, почти пороку.

Человек теории, он придумал целый план воспитания своей дочери, желая сделать ее счастливой, доброй, прямодушной и нежной.

До двенадцати лет она жила дома, а потом, несмотря на слезы матери, была отдана в монастырь Сакре-Кёр.

Там отец держал ее в строгом заключении, взаперти, в безвестности и в полном неведении дел людских. Он желал, чтобы она возвратилась к нему семнадцатилетней целомудренной девушкой, и собирался затем сам погрузить ее в источник поэзии разумного, раскрыть ей душу и вывести из неведения путем созерцания наивной любви, простых ласк животных, ясных законов жизни.

Теперь она вышла из монастыря сияющая, полная сил и жажды счастья, готовая ко всем радостям, ко всем прелестным случайностям жизни, которые представлялись ее воображению в дни праздности, в долгие ночи.

Она походила на портрет Веронезе своими блестящими белокурыми волосами, как бы обесцветившимися на ее коже, аристократической, чуть розоватой коже, оттененной легким пушком, который напоминал бледный бархат и был чуть заметен под ласкою солнца. Глаза Жанны были синие, той темной синева, какою отличаются глаза голландских фаянсовых фигурок.

Около левой ноздри у нее была маленькая родинка; другая была справа на подбородке, где вилося несколько воло-

сков, до того подходивших к цвету ее кожи, что их с трудом можно было различить. Она была высокого роста, с развитой грудью и гибкой талией. Ее чистый голос казался иногда чересчур резким, но искренний смех разливал кругом нее радость. Нередко привычным движением она подносила руки к вискам, как бы желая пригладить прическу.

Она подбежала к отцу, обняла его и поцеловала.

— Ну что же, едем? — спросила она.

Он улыбнулся, тряхнул довольно длинными, уже седыми волосами и протянул руку к окошку:

— Неужели тебе хочется отправиться в путь в такую погоду?

Но она молила его ласково и нежно:

— Поедем, прошу тебя, папа. После полудня погода разгуляется.

— Но мама ни за что не согласится.

— Согласится, обещаю; я беру это на себя.

— Если тебе удастся ее уговорить, я не возражаю.

И она стремглав бросилась в комнату баронессы. Ведь этого дня отъезда она ждала со все возрастающим нетерпением.

С минуты поступления в Сакре-Кёр она не покидала Руана, потому что отец не разрешал ей никаких развлечений раньше установленного им срока. Только два раза возили ее на две недели в Париж, но это был опять-таки город, а она мечтала лишь о деревне.

Теперь ей предстояло провести лето в их поместье «Тополя», в старом фамильном замке, стоявшем на скалистом побережье близ Ипора, и свободная жизнь на берегу моря сулила ей бесконечные радости. Кроме того, было решено подарить ей этот замок, чтобы она постоянно жила в нем, когда выйдет замуж.

Дождь, ливший непрерывно со вчерашнего вечера, был первым большим горем в ее жизни.

Но через три минуты она выбежала из комнаты матери, крича на весь дом:

— Папа, папа! Мама согласна; вели запрягать.

Ливень не прекращался; он даже, пожалуй, усилился, чуть только карета подъехала к крыльцу.

Жанна собиралась уже сесть в экипаж, когда с лестницы спустилась баронесса, поддерживаемая с одной стороны мужем, а с другой — рослою горничной, хорошо сложенной и сильной, как парень. Это была нормандка из Ко; на вид ей можно было дать по меньшей мере двадцать лет, а ей еще только что минуло восемнадцать. В семье барона с ней обращались почти как со второй дочерью, потому что она была молочной сестрой Жанны. Ее звали Розали.

Главная обязанность Розали состояла в уходе за ее госпожой, непомерно расплывшейся за последние годы из-за расширения сердца, на которое она постоянно жаловалась.

Баронесса, сильно задыхаясь, сошла на крыльцо старого особняка, взглянула на двор, по которому стремительно текла вода, и заметила:

— Право же, это неразумно.

Муж, по обыкновению улыбаясь, ответил:

— Но ведь вы так пожелали, мадам Аделаида.

Баронесса носила пышное имя Аделаиды, и муж прибавлял к нему всегда «мадам» с оттенком чуть насмешливого уважения.

Она снова двинулась вперед и с трудом поднялась в экипаж, рессоры которого сразу осели. Барон поместился рядом с нею, а Жанна и Розали уселись на скамейке напротив.

Вслед за ворохом накидок — отъезжающие прикрыли ими себе колени — кухарка Людивина принесла две корзины и поставила их в ногах; затем она вскарабкалась на козлы рядом с дядей Симоном и укуталась большим пледом, совершенно ее закрывшим. Привратник с женою подошли проститься, захлопнули дверцу кареты и получили последнее приказание по поводу багажа, который надлежало отправить следом на тележке; после этого тронулись в путь.

Кучер, дядя Симон, понунив голову и горбясь под дождем, совсем исчез в своей ливрее с тройным воротником. Порывы ветра со стоном бились в стекла и заливали дорогу потоками воды.

Карета, запряженная парой лошадей, быстро спустилась к набережной и поехала вдоль ряда больших судов, мачты, реи и снасти которых печально поднимались, слов-

но оголенные деревья, в изливавшееся ручьями небо; затем она выехала на длинный бульвар горы Рибуде.

Вскоре дорога пошла лугами; время от времени сквозь водяной туман смутно вырисовывалась мокрая ива, ветви которой свисали с беспомощностью трупa. Чавкали подковы лошадей, а из-под колес летели брызги грязи.

Все молчали; самые мысли, казалось, пропитались сыростью, как и земля. Мать Жанны, откинувшись, прислонилась к стенке кареты и закрыла глаза. Барон хмуро рассматривал однообразные и залитые дождем поля. Розали, с узлом на коленях, дремала животной дремотой простолюдинов. Но Жанна чувствовала, что оживает под этой теплой струящейся влагой, словно комнатное растение, которое вынесли на воздух; полнота радости, подобно листве, защищала ее сердце от грусти. Она молчала, но ей хотелось петь, высунуть наружу руку и, набрав воды, напиться; она наслаждалась и тем, что лошади бегут крупной рысью, и тем, что она видит, как печальны окрестности, и тем, что чувствует себя защищенной от этого потопа.

Под яростным дождем от блестящих крупов лошадей поднимался пар, словно от кипящей воды.

Баронесса мало-помалу начала засыпать. Ее лицо, обрамленное шестью правильно расположенными и колыхавшимися локонами, понемногу опускалось, мягко опираясь на три больших волны ее шеи, последние складки которой терялись в безбрежном море груди. Голова ее приподнималась при каждом вздохе и тотчас же падала снова, щеки надувались, а из полукрытых губ вырывалось звонкое похрапывание. Муж наклонился к ней и тихонько вложил ей в руки, скрещенные на полном животе, маленький кожаный бумажник.

Это прикосновение разбудило ее; она взглянула на бумажник затуманенным взором, с оцепенением человека, сон которого внезапно прервали. Бумажник упал и раскрылся. Золото и банковые билеты рассыпались по полу кареты. Баронесса совсем проснулась, а веселое настроение дочери проявилось во взрыве хохота.

Барон подобрал деньги и положил их жене на колени:

— Вот, мой друг, все, что осталось от моей фермы в Эльто. Я продал ее, чтобы восстановить «Тополя», где мы теперь будем жить подолгу.

Она сосчитала деньги — шесть тысяч четыреста франков — и спокойно положила их в карман.

Это была уже девятая проданная ферма из тридцати одной, оставленных им родителями. Однако они еще обладали приблизительно двадцатью тысячами годового дохода с земель, которые при хорошем управлении могли бы легко приносить в год и тридцать тысяч.

Они жили скромно, и этого дохода было бы достаточно, не будь в доме бездонной пропасти, вечно разверстой: их доброты. Из-за нее деньги испарялись в их руках, как испаряется вода в болоте под палящими лучами солнца. Деньги текли, бежали, исчезали. Как это происходило? Никто не знал. Каждую минуту кто-нибудь из них говорил:

— Не знаю, как это вышло, но я истратил сегодня сто франков, а не сделал ни одной крупной покупки.

Легкость, с которой они раздавали деньги, была, впрочем, одной из величайших радостей их жизни, и тут они прекрасно и трогательно понимали друг друга.

Жанна спросила:

— А красив теперь мой замок?

Барон весело ответил:

— Увидишь, дочурка.

Мало-помалу ярость ливня стихала, и вскоре от него осталось лишь нечто вроде тумана — тончайшая сеющаяся дождевая пыль. Облачный свод как бы приподнялся, побелел, и вдруг сквозь какую-то невидимую щель длинный косой луч солнца упал на луга.

Тучи разошлись, показалась синяя глубина небосвода, потом просвет увеличился, как в разрывающейся завесе, и прекрасное лазурное небо, чистое и глубокое, развернулось над землей.

Пролетел свежий и легкий ветерок, словно счастливый вздох земли; когда проезжали мимо садов или лесов, слышалось порою веселое пение птицы, сушившей свои перья.

Вечерело. Теперь в карете все спали, кроме Жанны. Два раза останавливались на постоянных дворах, чтобы

— Здравствуйте, сударыня; вот я и вернулась, хоть это было не так-то легко!

Жанна пробормотала:

— Ну?

Розали ответила:

— Ну, она умерла сегодня ночью. Они повенчались, вот ребенок.

И она протянула младенца, лица которого не было видно.

Жанна машинально взяла его на руки, они вышли из вокзала и сели в экипаж.

Розали продолжала:

— Господин Поль приедет тотчас после похорон. Надо думать, завтра с этим же поездом.

Жанна прошептала: «Поль...» — и больше ничего не прибавила.

Солнце спускалось к горизонту, заливая светом зеленеющие долины, испещренные кое-где золотом цветущего рапса и кровавыми пятнами мака. Беспредельным покоем веяло над умиротворенной землей, где зарождалась жизнь.

Одноколка катилась быстро; крестьянин пощелкивал языком, чтобы придать лошади прыти.

Жанна глядела прямо перед собой, в небо, по которому время от времени, подобно ракетам, пронеслись ласточки в своем круговом полете. И вдруг мягкая теплота, теплота жизни, проникла сквозь ее платье, дошла до ее ног, пронизала ее тело: то была теплота маленького существа, которое спало у нее на коленях.

Тогда безграничное волнение овладело ею. Она быстро раскрыла личико ребенка, которого еще не видела, — дочери своего сына. И когда крохотное создание, разбуженное ярким светом, открыло голубые глаза и пошевелило губами, Жанна, подняв его на руках, стала безумно целовать.

Но Розали, хотя и довольная, остановила ее, заворчав:

— Ну, хорошо, хорошо, перестаньте, сударыня, а не то она разревется! — И она прибавила, отвечая, вероятно, на свои собственные мысли: — Жизнь, что ни говорите, не так хороша, но и не так плоха, как о ней думают.

Комментарии

Первый роман Мопассана, «Жизнь», появился в газете «Жиль Блас» фельетонами, печатавшимися с 27 февраля по 6 апреля 1883 г. В том же году роман был издан Аваром отдельной книгой (несколько ранее «Рассказов вальдшнепа»). Оллендорф выпустил новые издания этого романа в 1891 и 1893 гг.

В первоначальном издании роман имел эпиграф «Скромная истина» и посвящение г-же Брэнн; по неизвестным причинам и эпиграф и посвящение исчезли в последующих переизданиях; мы считаем полезным восстановить их. Г-жа Брэнн (умершая в 1883 г.), вдова видного руанского журналиста Шарля Брэнна, принадлежала к кругу друзей Флобера; Мопассан был завсегдатаем ее парижского салона, где хозяйка и ее друзья без конца рассказывали ему всякие жизненные истории и происшествия — в качестве сюжетов для его новелл; Шарль Лапьерр называет салон г-жи Брэнн «главным источником питания» Мопассана темами (A. Lumbroso. Souvenirs sur Guy de Maupassant. Rome. 1905, p. 612).

Творческая история первого романа Мопассана долго была неясной для его биографов.

В письме к Флоберу от 10 декабря 1877 г. Мопассан сообщал: «Я составил также план романа, который начну, как только развяжусь с драмой» (речь идет об «Измене графини де Рюн»). Упоминания о работе над романом нередки в письмах Мопассана к матери. Он писал ей 21 января 1878 г.: «Флобер... пришел в настоящий энтузиазм от проекта романа, который я ему прочитал. Он сказал мне: “Да, это великолепно, вот настоящий роман, вот настоящая идея!” Прежде чем окончательно взяться за него, мне придется еще посидеть месяц или полтора над планом». Далее в письме от 15 февраля Мопассан сообщает: «Я основательно работаю над романом и надеюсь, что напишу к лету значительную его часть». Тем не менее работа шла, по-видимому, негладко или с перерывами, и Флобер спрашивал Мопассана в письме от 15 августа 1878 г.: «А как роман, от плана которого я пришел в восторг?»

Исследователи Мопассана долго не могли понять, о каком романе шла речь. «Очевидно, Мопассан писал не о “Пышке”, так как это рассказ и создан он был за несколько месяцев на рубеже 1879—1880 гг., — писал Мениаль. — Маловероятно также, что речь идет о “Жизни”, напечатанной пять лет спустя. Вернее всего, что

этот роман был им оставлен для других работ» (Ed. Maupial, p. 152). А Рене Дюмениль еще в 1933 г. заявлял, что «Жизнь», «вероятно, не является тем произведением, план которого Мопассан сделал и к работе над которым приступил в 1877 г.» (Rene Dumesnil. Guy de Maupassant. P. 1933, p. 187).

Трудно поверить, чтобы Мопассан отказался от воплощения того замысла, план которого так понравился его учителю. Оспаривая утверждения Мениаля и Дюмениля, мы писали в 1938 г.: «...если “Жизнь”, может быть, и не представляет собою точной реализации плана, восхитившего Флобера и остающегося нам неизвестным, то, во всяком случае, в ней наличествует многое как от этого плана, так и от тех художественных требований учителя, которым Мопассан на первых порах своего зрелого творчества хранил особенную верность. Над этим романом Мопассан работал много лет, начиная, может быть, с самого 1877 г.» (см. Мопассан. Полное собр. соч., Гослитиздат, 1938, т. III, с. 358).

Анализ ряда новелл, разработывавших отдельные эпизоды и сюжетные положения «Жизни» («В весенний вечер», «Прыжок пастуха», «Ночное бдение», «Старые вещи», «Кровать» и др.), напечатанных в прессе 1881–1882 гг., а также анализ еще более широкого круга новелл, так или иначе затрагивавших характерные для «Жизни» темы и мотивы («Советы бабушки», «Парижское приключение», «Исповедь женщины», «Верхом», «Вдова», «Переписка» и др.), напечатанных в прессе 1880–1882 гг., позволяет прийти к твердому убеждению, что Мопассан написал «Жизнь» не в 1882 г., непосредственно перед публикацией романа, но жил в кругу его идейных и сюжетных положений по крайней мере с 1880 г. Наконец, и анализ композиционных особенностей романа убеждает, что, работая над «Жизнью», Мопассан находился под сильным влиянием художественных принципов Флобера, от которых он впоследствии во многом отошел.

Приведем высказывание Поля Бурже, ценное для понимания особенностей творческой деятельности Мопассана и объясняющее, каким образом появились в печати вышеупомянутые новеллы, разработывавшие отдельные эпизоды и сюжетные положения будущего романа: «Мопассан дал “Жиль Блас” под псевдонимом Мофриньёз один из тех коротких и трагических рассказов, которые он так хорошо умел писать. На мой комплимент он ответил: “Вам это понравилось?.. А ведь это лишь набросок. Да, — продолжал он, — такова уж моя привычка, что, работая над большим романом, я стараюсь дать для хроники (Мопассан говорит о своих газетных “хрониках” — очерках, статьях, фельетонах и т. п.) первый эскиз, еще в общих чертах, того или другого эпизода. Я переделываю их по два, по три, а то и по четыре раза. Только после этого я снова берусь за эту вещь для большой книги”. Такой метод работы, применяемый постоянно и неизменно, позволял Мопас-

сану отточить свое перо на этих набросках, где многие, наоборот, притупляют свои перья. И так же как в работе над каждой хроникой он видел возможность лучше познать свое ремесло романиста, так и каждый новый роман был для него поводом к дальнейшему обогащению своего знания литературной техники» (Paul Bourget. *Sociologie et litterature*. P. 1906, p. 312–313).

Новейшие французские исследователи Мопассана считают «Жизнь» воплощением замысла 1877 г. Так, Андре Виаль, проделавший кропотливейшую работу по изучению недавно найденных первоначальных вариантов романа, удостоверяет, что Мопассан «вынашивал свой роман почти шесть лет» (Andre Vial. *La Genese d' "Une Vie"*. P. 1954, p. 26). Виалю удалось установить, что осенью 1877 г. первый вариант романа насчитывал уже написанную седьмую главу, а может быть, продвинулся и дальше и что основные сюжетные положения рассказа «В весенний вечер» намечены уже в первых вариантах 1878 г.

Проделанный Андреем Виалем текстологический анализ первых вариантов романа позволяет видеть, что последующая работа Мопассана над ними вовсе не ограничивалась одними стилистическими требованиями — уничтожением повторений, всевозможных длиннот, вялых фраз, отяжеляющих придаточных предложений и всякого рода лишних слов. Можно видеть и то, что Мопассан резко менял первоначальную открыто-оценочную манеру со множеством авторских высказываний, придавая окончательному тексту романа характер безоценочного, объективного повествования. По мнению Виалья, черновик романа был закончен в мае 1882 г., но доработка романа все же продолжалась и позднее. Так, Виаль высказывает предположение, что финальная фраза Розали была написана год спустя, после того как в феврале 1883 г. у Мопассана родился внебрачный сын Люсьен.

В воспоминаниях Франсуа Тассара приведены следующие слова Мопассана (запись от июля или августа 1887 г.): «Когда появилась в печати “Жизнь”, критика, эта болтливая особа, столь часто готовая развенчивать шедевр потому только, что не поняла его, не находила достаточно сильных слов, чтобы кричать, что мой роман нежизнен, что сообщенные в нем факты невозможны. И что же? Изложенные в этой книге факты имели место в Фонтенебло, и печатный отчет о них лежит у меня на письменном столе. Если я и могу о чем-либо пожалеть, так единственно о том, что слишком рано написал свою книгу, потому что в действительности все произошло гораздо определеннее и гораздо полнее, чем в моем романе» (*Souvenirs sur Guy de Maupassant par FranCois, son valet de chambre*. P. 1911, p. 94).

Эти слова Мопассана остаются пока единственным авторским указанием об источниках романа. Виаль почему-то вовсе не упоминает об этом высказывании (хотя должен был бы основательно

Содержание

<i>А. Чеботаревская. Жизнь Мопассана</i>	3
Жизнь	32
<i>Комментарии</i>	264